

**Міністерство освіти і науки України
Житомирський державний університет імені Івана Франка
Кафедра теорії та історії світової літератури**

**Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової
літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка»**

**ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014**

*Моим родителям –
Антонине Георгиевне и
Федору Борисовичу
Бондаренко*

Галина Бондаренко

***ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ ПРОСПЕКЦІЇ:
КОМПАРАТИВІСТСЬКА ГЕНОЛОГІЯ***

ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014

УДК 82.09 – 1/-9
ББК 83:83.3
Б 81

*Надруковано за ухвалою Вченої ради
Житомирського державного університету ім. І. Франка
(протокол № 10 від 27 травня 2011 року)*

Рецензенти:

Петро Васильович Білоус,
доктор філологічних наук, професор.

Володимир Олегович Єршов,
доктор філологічних наук, професор.

Луїза Костянтинівна Оляндер,
доктор філологічних наук, професор.

Г. Ф. Бондаренко. Літературознавчі перспекції: компаративістська генологія. – Житомир : Вид-во «Полісся», 2014. – 240 с. Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка».

ISBN 978-966-655-726-4

Автор збірки досліджує основні тенденції та закономірності розвитку світової літератури в їх історичному русі від XVIII ст. до сучасності. Це завдання реалізується через висвітлення проблематики художніх творів, спостереження над виникненням, розвитком та взаємодією провідних жанрів, пануючих літературних стилів, системи художніх принципів та засобів організації та функціонування тексту в синхронії та діахронії. Дослідник аналізує твори Вольтера, А. Адамовича, Л. Андрєєва, В. Астаф'єва, М. Булгакова, Г. Веллса, В. Катаєва, Т. Манна, Дж. Д. Селінджера, С. Смірнова, Г. Філдінга, К. Чапека з позицій компаративістської генології, перспективних шляхів поступу методології сучасного літературознавства.

Книга призначена спеціалістам-літературознавцям, вчителям-словесникам, аспірантам, студентам-філологам, всім, хто цікавиться проблемами сучасного літературознавства.

ISBN 978-966-655-726-4

© Г. Бондаренко

З М І С Т

Інтелектуалізм у літературі

Притча як видова категорія	9
Філософська повість-притча: досвід Вольтера	14
Своєрідність жанрової природи повісті Вольтера «Кандід, або Оптимізм»	20
Притчева матриця в оповіданнях Леоніда Андрєєва про революцію	29
Структура художнього світу в новелі Томаса Манна «Смерть у Венеції»	35
Слов'янські типи в новелістиці Томаса Манна	44
Особенности жанровой природы повести Виктора Астафьева «Печальный детектив»	50

Надбання романного жанру

Прояви авторської свідомості у вступних есе роману Генрі Філдінга «Історія Тома Джонса, знайди»	65
«Великий сміливець сучасності». «Війна світів» Герберта Джорджа Веллса як роман-пересторога	76
«Вболіваючи за людину і людство». Жанрова природа роману Карела Чапека «Війна з саламандрами»	85
«Над прірвою у житті» Дж. Д. Селінджера як лірико-психологічна повість	90
«Брестская крепость» С. С. Смирнова: к проблеме документализма	99
Про деякі особливості поетики «мовістських» творів Валентина Катаєва	108
Реінтерпретація документу: «Книги народної пам'яті» Алєся Адамовича	115

Нова драма: «друга хвиля»

Драматургічні експерименти Леоніда Андрєєва	127
Між епікою та драмою: досвід М. О. Булгакова (на матеріалі роману «Життя пана де Мольєра» та п'єси «Кабала святош»)	136
Ремарка у художньому світі Михайла Булгакова	144
Концептуальність хронотопа в романі Михайла Булгакова «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных»	154

Поетичні перспективи

Анна Ахматова – російська Сапфо	173
Людина і світ в поезіях К. І. Галчинського	187
Концептуальна поезія: витоки і розвиток	196

Есеїстика

«Друг вечный...» (Ф. М. Достоевский)	207
Сестра моя – жизнь (Б. Л. Пастернак)	210
«Рукописи не горят...» (М. А. Булгаков)	218
Новый Аввакум (А. И. Солженицын)	226
«Мне повезло во всех отношениях...» (И. А. Бродский)	233

ЕСЕЇСТИКА

Частина п'ята

*Я памятник воздвиг себе иной!
К постыдному столетию — спиной.
К любви своей потерянной — лицом.
И грудь — велосипедным колесом...*

Иосиф Бродский

СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ... (Б. Л. ПАСТЕРНАК)

Есть некий высший космический смысл, что 10 февраля (в день, когда в 1837 году закатилось «солнце русской поэзии» – умер Александр Сергеевич Пушкин) 1890 года родился его истинный наследник – Борис Леонидович Пастернак.

Есть высший космический смысл и в том, что Бог забрал его к себе в пасхальный майский месяц 1960 года. Б. Л. Пастернак родился в семье известного художника Леонида Осиповича Пастернака. А мать была прекрасной пианисткой, и эти две стихии – живопись и музыка – высекут ту необычную искру поэзии, которая поставит его имя в ряд выдающихся поэтов-новаторов XX века. По праву в 1958 году поэт будет увенчан Нобелевской премией.

Мальчик рос в атмосфере музыкальных, литературных и живописных интересов и увлечений. В детстве он видел в доме великого Льва Николаевича Толстого, учился музыке у композитора А. Н. Скрябина. Частыми гостями семьи были такие корифеи русской культуры, как М. А. Врубель, В. А. Серов, Паоло Трубецкой и К. А. Коровин, историк В. О. Ключевский, композитор С. В. Рахманинов и многие другие.

В 1908 году будущий поэт закончил классическую гимназию и поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Первые поэтические опыты относятся к лету 1909 года, но вначале Борис считал стихи просто увлечением и связывал свое будущее исключительно с музыкой (отказавшись от карьеры пианиста – он «переиграл» руку, – экстерном сдал экзамены на композиторском факультете консерватории).

Увлекает его и философия. Узнав, что «Мекка» философов находится в Марбурге, старинном немецком городке, где когда-то жил, будучи студентом, М. В. Ломоносов, Борис едет в Германию. Настигшая его там любовная драма заставила юношу не только сойти с научной стези, но и по-новому отнестись к своему поэтическому дару:

В тот день всю тебя,
от гребенок до ног,
Как трагик в провинции
драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Эти строки из пастернаковского стихотворения «Марбург» (1916) цитировал в своей статье «Как делать стихи» известный максималист в поэзии Владимир Маяковский, считая их совершенными.

В 1913 г. Б. Л. Пастернак заканчивает университет, и как отголосок философского образования его поэзия всегда будет стремиться «дойти до самой сути». Юноша сближается с московской футуристической группой «Центрифуга», но настоящему таланту всегда тесно в рамках любых группировок. Появляются его первые поэтические сборники «Близнец в тучах» и «Поверх барьеров». Встречены они были неоднозначно. Талантливость начинающего поэта была несомненна, но стихи его зачастую вызывали непонимание и даже недоумение: они были сложны по форме, густо насыщены метафорами, образы и ассоциации казались непривычными и крайне субъективными.

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит...
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей...

Современники поэта вспоминали, что его внешность, яркий темперамент, непроходящая молодость, бурная пылкость эмоций, взволнованность, страстность удивительно совпадали с его поэтической манерой. Это прозорливо подметила и А. Ахматова, сказав: «В Пастернаке навсегда останется юность». Эта мысль звучит и в ее стихах, посвященных поэту:

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

Молодой поэт вошел в литературу в сложнейшую эпоху. Надвигалась Первая мировая война. В воздухе витали революционные идеи. Б. Л. Пастернаку никогда не импонировала поэзия политическая. Но время, его пульс и ритм ощущается в его стихах, в изменчивости настроений, динамичности, порывистости, особом лирическом напоре. Стихи поэта – не легкое чтение. Прав был критик Виктор Шкловский, который писал, что «строчки его стихов рвутся и не могут улечься, как стальные прутья, набегая друг на друга, как вагоны внезапно заторможенного поезда». Однако думающему читателю поэт откроет абсолютно новый, сверкающий и лучащийся красками, как после дождя, мир. Изменчивый мир в его божественной красоте! Его поэтическое кредо – «чем случайней, тем вернее / стихи слагаются навзрыд». Как не оценить необычность и свежесть таких образов: «Венеция плыла размокшей каменной баранкой», «Ветер рвется вперед, как кучер в мороз», «Гроза... бежит по галерее», «Я клавишей стаю кормил с руки»!

После выхода в свет сборника «Сестра моя – жизнь» (создан в 1917 г., вышел в 1922 г.). Б. Л. Пастернак становится знаменитым. Восторг перед жизнью, радость новизны и юношеская эмоциональность, «чудесное чувство полета» пронизывают весь сборник. Своеобразным поэтическим манифестом можно считать «Про эти стихи»:

На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам.
Зимой открою потолок
И дам читать сырым углам...
Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме,
К карнизам прядет чехарда
Чудацеств, бедствий и замет...
В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Именно за последние строки Б. Л. Пастернака критиковали «неистовые ревнители» пролетарской поэзии: вместо того, чтобы воспевать революцию и успехи социалистического строительства, поэт, видите ли, занимается чепухой и даже не знает, в какую эпоху живет. Для этих искренних, но исторически ограниченных людей, с навязчивой идеей «социального момента», непонятно было

ощущение вечности и собственного бессмертия, чувство «прекрасного мгновения», абсолютной гармонии человека и Вселенной, которые и породили эти строки.

В золотой фонд мировой лирики навсегда войдут такие стихи сборника, как «Зеркало», «Дождь», «Определение души», «Определение поэзии», «Елене» и многие другие.

Давай ронять слова,
Как сад – янтарь и цедру;
Рассеянно и щедро,
Едва, едва, едва.
Не надо толковать,
Зачем так церемонно
Мареной и лимоном
Обрызгнута листва <...>

Ты спросишь, кто велит,
Чтоб август был велик.
Кому ничто не мелко,
Кто погружен в отделку
Кленового листа
И с днєй екклезиаста
Не покидал поста
За теской алебастра? <...>

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, – подробна...

Нет, не напрасно Борис Леонидович изучал философию. Его стихи и лиричны, и философичны одновременно. Здесь перед нами не просто картина мироздания, рассмотренная по-пастернаковски в мельчайших подробностях, но некое молитвенное состояние, что в полной мере проявит себя и позднее, в его знаменитом романе «Доктор Живаго». Божественная сила присутствует у поэта в явлениях природы, в явлениях духовной жизни и в самом человеке.

Каждый истинный художник слова обращается чаще всего к какому-то одному образу. Это, например, ночь у Ф. Тютчева, выюга у А. Блока, береза в поэзии С. Есенина. В поэзии Б. Пастернака любимый образ – вода, чаще всего дождь. Впервые это пронизательно увидела Марина Цветаева. В статье «Мировой ливень» она писала: «Но сильнее, чем травы, рассветы, выюги,

полюбил Б. Пастернак дождь. Ну и надождал же он – вся книга плывет». Образ дождя, воды для поэта и обязательное условие жизни, и в то же время проявление божественной заботы обо всем живом. Название пастернаковского сборника «Сестра моя – жизнь» многозначно. Это не только лирически страстная влюбленность в жизнь, ощущение родства всего живого, но и перифраз известных слов св. Франциска Асизского, что придает стихам концептуальную завершенность. В хоре советских поэтов голос Бориса Леонидовича всегда звучал диссонансом и отнюдь не потому, что он был антисоветчиком, духовным диссидентом. Поэт искренне, как впрочем и Осип Мандельштам, хотел примириться с новым строем, стать человеком «эпохи Москошвея», «мерить жизнь пятилеткой», но духовная независимость всегда побеждала. И хотя после самоубийства В.В. Маяковского Б. Л. Пастернака с негласной подачи Сталина объявили его преемником, он всегда оставался в духовной оппозиции.

В тридцатые годы Борис Леонидович создает новую книгу стихов «Второе рождение». Книга эпична, пронизана раздумьями о времени, природе, о роли личности в истории. Она знаменует попытки поэта вписаться в новую жизнь, поверить в близость «далее социализма» (название одного из стихотворений). Искренние попытки! Б. Л. Пастернак всегда был увлекающимся, восторженным, даже экзальтированным человеком. Но он никогда не пошел бы против своей совести, не стал бы фальшивить и приспособливаться к власти. Жена опального О. Мандельштама не раз по-дружески его предупреждала: «Опасайтесь, они (т.е. власть – Г. Б.) вас усыновят!». Этого поэт не боялся. И не раз хлопотал о своих опальных друзьях. Он обратился к «вождю всех времен и народов» с просьбой простить О. Мандельштама, сделал все возможное, чтобы облегчить участь сына и мужа А. Ахматовой.

Когда ему внезапно позвонил Сталин по делу Осипа Мандельштама, этот неисправимый идеалист просил о встрече, чтобы «поговорить серьезно о жизни и смерти», а Сталин в ответ, ничего не объясняя, повесил трубку. Так что «второе рождение» в общественном плане было и неполным, и очень краткотечным.

«Второе рождение» имеет и более личный, потаенный смысл. Это непреодолимая и внезапная любовь поэта к жене его друга – известного пианиста Генриха Нейгауза – Зинаиде Николаевне. Лето 31-го года, проведенное ими в Ирпене под Киевом, было и прекрасным, и мучительным. Б. Л. Пастернак даже пытался покончить жизнь самоубийством. Взаимное благородство друзей в этом любовном треугольнике вызвало позднее ироничную и очень

остроумную реплику Зинаиды Николаевны: «Я была для них как переходящее красное знамя». Этому высокому чувству мы обязаны появлением многих любовных шедевров поэта: «Никого не будет в доме», «Не волнуйся, не плачь», «Красавица моя, вся стать...», «Ты рядом. Ты, как свет, кругом» и особенно знаменитым:

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна...

Любовь победила все преграды. Б. Л. Пастернак счастлив со своей прекрасной итальянкой. Но независимое поведение поэта приводит к тому, что его стихи почти не печатают, он зарабатывает на жизнь переводами и кажется, что угроза ареста и расправы неминуема. Существует легенда, что в последний момент сам Сталин «дал отбой» своим верным служакам, сказав «Не трогайте этого небожителя!»

Близилась времена, когда власти стало не до выявления «неблагонадежных элементов», в воздухе пахло грозой – начиналась Вторая мировая война. В годы испытаний «небожитель» проявляет себя как настоящий патриот и гражданин. Он дежурит во время ночных бомбежек, роет блиндажи, в составе писательской бригады не раз выезжает на фронт. После войны, в 1947 году, в жизни Б. Л. Пастернака наступает очередная опала. Его по-прежнему практически не печатают, однако именно в это время в творчестве ему удастся достичь своей юношеской мечты: с одной стороны, «раскованного голоса» (один из вариантов названия раннего сборника стихов), а с другой – классической простоты и ясности стиля и образов. Эту мысль он выразил афористично и лаконично: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

«Во всем мне хочется дойти до самой сути», «Быть знаменитым некрасиво», «Осенний лес», «Снег идет», стихи Юрия Живаго, – воистину творения живого классика. Более десяти лет работал Борис Леонидович над своим духовным завещанием – романом «Доктор Живаго» (1945 – 1956). Роман о судьбе русского интеллигента в вихре революции, как и все творчество Б. Л. Пастернака, в значительной степени автобиографичен. Обратившись к теме революции, поэт становится «над схваткой», отказываясь делить мир на «красных» и «белых», утверждая, что у каждого была своя правда. Роман показывает трагедию личности в обществе, в

котором отсутствуют Свобода и Творчество. Финал метафоричен. Юрий Живаго умирает от «отсутствия воздуха».

Когда редакция журнала «Новый мир» отказалась публиковать роман, Б. Л. Пастернак передал его итальянскому издателю Фельттринелли. Так «Доктор Живаго» начал свое триумфальное шествие по Европе. В октябре 1958 года поэт получил известие, что ему присуждена Нобелевская премия. И тут новая власть во главе с Н. С. Хрущевым показала свое истинное лицо. Надежды общества на политическую и культурную «оттепель» оказались напрасными. Начинается настоящая травля опального поэта: грязные инсинуации, спланированная кампания в прессе, предательство друзей-писателей. Собрание московских «деятелей культуры» не только исключает Б. Л. Пастернака из Союза писателей, но верноподданнически просит правительство лишить поэта советского гражданства. И не нашлось ни одного смельчака, кто проголосовал бы «против» или хотя бы «воздержался».

Для человека, чье творчество было неразрывно связано с красотой родной земли, которую он продолжал воспевать и в своем романе, такое отношение соотечественников и угроза изгнания стали катастрофой. Поэт официально отказывается от Нобелевской премии, пишет покаянные письма: одно – лично Н. С. Хрущеву, второе – в газету «Правда».

Беспристрастная история все расставит на свои места, но, говорят, что смуту в душу великого поэта вносила и последняя горькая любовь его к Ольге Всеволодовне Ивинской (Лара в романе «Доктор Живаго», Маргарита в знаменитом пастернаковском переводе «Фауста» И. В. Гете). Всю боль, горечь и разочарование выразил он в поэтической отповеди своим гонителям – стихотворении «Нобелевская премия»:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони.
Мне наружу ходу нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду,
Будь что будет, все равно.
Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красотой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра!

Нервное потрясение от событий, связанных с публикацией романа и нобелевской эпопеей, привели к возникновению и скоротечному исходу неизлечимой болезни. 30 мая 1960 года поэта не стало. Его похороны в Переделкино под Москвой превратились в стихийную народную манифестацию. Звучала его любимая музыка, молодые литераторы читали стихи, майский ливень провожал в последний путь своего поэта. И действительно, как сказал его талантливый ученик Андрей Вознесенский, «несли не хоронить – несли короновать».

Справедливость постепенно торжествует: без веры в это жить было бы немислимо! В 1987 году отменили позорное постановление об исключении. 9 декабря 1989 года в Стокгольме сыну поэта Евгению была вручена отцовская медаль лауреата Нобелевской премии, от которой Б. Л. Пастернак был вынужден отказаться в 1958 году.

Но что ему от этой запоздалой улыбки судьбы? Простите нас, грешных, Борис Леонидович! Простите за судьбу, за одиночество, за то, что мы так и не доросли до Ваших стихов! Боже, как же горько было Вам и Вашей бесприютной Музе!

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один – все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить – не поле перейти...

